

На правах рукописи

Лю Чжицянь

**СВОЕОБРАЗИЕ РЕЦЕПЦИИ КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА В ПЕРЕВОДАХ Л. Е. ЧЕРКАССКОГО:
ИЗ ИСТОРИИ РУССКО-КИТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ**

10.01.01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидат филологических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Дальневосточный федеральный университет» на кафедре русского языка как иностранного.

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Первушина Елена Александровна

Официальные оппоненты:

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Амурский государственный университет», кафедра литературы и мировой художественной культуры, заведующий кафедрой

Тугулова Ольга Доржиевна, кандидат филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Бурятский государственный университет», кафедра филологии стран Дальнего Востока, доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тихоокеанский государственный университет»

Защита состоится 14 июня 2017 г. в 10 час. 00 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.05, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 26).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Автореферат разослан «__» апреля 2017 г.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ:
<http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/LiuZhiqiang14062017.html>

Учёный секретарь
диссертационного совета

Филь Юлия Вадимовна

Общая характеристика работы

Реферируемая диссертационная работа посвящена исследованию переводческой рецепции Л. Е. Черкасского китайской поэзии первой трети XX в.

Леонид Евсеевич Черкасский (1925–2003) – авторитетный специалист в области русско-китайских культурных связей. Его знают в России и за её пределами как литературоведа и литературного критика, как издателя-просветителя, но более всего – как теоретика и мастера поэтического перевода. Черкасскому-учёному принадлежат ставшие известными переводоведческие труды и работы, посвящённые изучению китайской литературы¹. Черкасский-переводчик познакомил русских читателей со многими китайскими поэтами, как со средневековыми, писавшими на языке *вэянь*: Цао Чжи (曹植, 192–232), Ло Биньваным (骆宾王, 638–684), Оу Янсю (欧阳修, 1007–1072), Су Ши (苏轼, 1036–1101), – так и с поэтами нового времени, писавшими на разговорном языке *байхуа*: Хуан Цзуньсянем (黄遵宪, 1848–1905), Цю Цзинь (秋瑾, 1875–1907), Су Маньшу (苏曼殊, 1884–1918), Вэнь Идо (闻一多, 1899–1946), Го Можо (郭沫若, 1892–1978), Цюй Цюбо (瞿秋白, 1899–1935), Сюй Чжимо (1897–1931), Ай Циным (艾青, 1910–1996) и многими другими.

Поэтические переводы, выполненные Черкасским, безусловно, обогатили как русскую, так и китайскую литературу. Однако, несмотря на то, что деятельность Черкасского оказалась ценным вкладом в становлении и развитии процесса русско-китайского межкультурного общения, деятельность Леонида Евсеевича до сих пор остается неисследованной. Тем не менее, изучение переводов высокопрофессионального мастера необходимо для понимания своеобразия русско-китайской межкультурной коммуникации. Подобное исследование отвечает тенденциям современного сравнительного литературоведения, в котором важнейшей проблемой названы вопросы переводной литературы. Это определяет **актуальность и новизну** настоящей диссертации.

Теоретической основой работы, во-первых, послужили труды основоположников сравнительного литературоведения, разработавших идеи межлитературных связей, – А. Н. Веселовского, В. М. Жирмунского, Н. И. Конрада, Д. Дюришина, Р. Ю. Данилевского и др. Кроме того, важное значение имели работы о принципах рецептивно-функционального анализа В. М. Жирмунского, М. П. Алексеева, Н. И. Конрада, М. М. Бахтина, Р. Ингардена, Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера, Х. Р. Яусса, А. В. Аксенова и др. Для понимания проблем теории художественного перевода были важны работы М. П. Алексеева, Ю. Д. Левина, Е. Г. Эткинда, К. И. Чуковского, М. Л. Гаспарова, В. М. Россельса, П. М. Топера, Р. Р. Чайковского, Е. А. Первушиной и др.

¹ Милибанд С. Д. Востоковеды России: XX–начало XXI века. Библиографический словарь. Кн. II. Н–Я. М.: Вост. лит., 2008. С. 615–616.

Основная культурологическая проблема Запада и Востока решалась в обращении к работам Гегеля, П. Я. Чаадаева, К. Ясперса, Н. А. Бердяева, Н. Я. Данилевского, М. М. Бахтина, В. М. Межуева, Т. П. Григорьевой, Е. В. Завадской и др. В области изучения китайской литературы важными ориентирами явились труды Н. А. Лебедевой, О. Д. Цыреновой, Д. В. Хуземи, М. Б.-О. Хайдаповой, В. В. Цыбиковой, а также китайских специалистов – Гао Вэй, Ся Синьюй, Чжан Юйхуна, Сюн Хуэя и др.

Объектом исследования являются выполненные Черкасским переводы наиболее значимых поэтов Китая первой трети XX века: Сюй Чжимо (徐志摩), Лю Баньнуна (刘半农), Ван Япина (王亚平), Се Бинсинь (谢冰心), Лю Дабая (刘大白), Дай Ваншу (戴望舒), Ван Цзинчжи (汪静之), Чжу Сяна (朱湘), Инь Фу (殷夫), Шао Сюньмэя (邵洵美), Пу Фэна (蒲风), Сюй Юйно (徐玉诺) и др.

Предметом исследования явились основные исследовательские и переводческие достижения Черкасского, а также своеобразие и типологическая разновидность его поэтических переводов.

Цель работы – определение особенностей творческой рецепции Черкасского в его переводческом воссоздании китайской поэзии первой трети XX века.

Намеченная цель требует решения *следующих задач*:

1) уточнить позиции исследователей в современном понимании культурологической проблемы «Запад – Восток» и, в частности, в изучении русско-китайских литературных связей;

2) выяснить представление специалистов о роли русских переводов китайской поэзии в становлении и развитии русско-китайских литературных связей;

3) уточнить содержание теоретических понятий «переводная литература» и «типология поэтического перевода»;

4) изучить наиболее значительные проявления исследовательской, творческой и просветительской деятельности Черкасского и установить основную периодизацию в ее истории;

5) произвести сопоставительный анализ стихотворений наиболее значительных китайских поэтов первой трети XX века и их русских переводов, выполненных Черкасским;

6) сделать вывод о своеобразии и типологической разновидности указанных поэтических переводов Черкасского.

Методы исследования – культурно-исторический, описательный, аналитический, сопоставительный и метод стихового анализа.

Научная новизна и личный вклад автора диссертационного исследования заключаются в следующем:

– разработана основная периодизация творческой деятельности Черкасского;

– впервые произведен анализ переводов Черкасского китайских поэтов первой трети XX века;

– выявлена основная переводческая стратегия Черкасского и обозначена типологическая разновидность его переводческой рецепции.

– сделан вывод о том, что переводы китайской поэзии первой трети XX века, выполненные Л. Е. Черкасским, являются значимым достоянием русской переводной литературы и ценным вкладом в развитие русско-китайских литературных связей.

Соответственно определяется *теоретическая значимость* произведённой работы. Переводы Черкасского рассматриваются как явление русской переводной литературы, значительно обогатившие представления о китайской поэзии первой трети XX века, что в большой мере способствовало развитию русско-китайских литературных связей.

Практическая значимость диссертационного сочинения состоит в том, что его выводы могут быть использованы в дальнейшем изучении русско-китайских литературных связей. Материалы диссертации могут быть использованы в учебных курсах, спецкурсах и спецсеминарах по теории и практике поэтического перевода, в частности, с китайского языка, а также в эдиционной практике при издании русских переводов китайской поэзии.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Многогранная деятельность Черкасского и как учёного-синолога, и как переводчика китайской поэзии явилась ценным вкладом в развитие русско-китайских литературных связей. Именно он ввёл в исследовательский контекст не изученные ранее произведения новой китайской поэзии первой трети XX века и познакомил с ними читающую Россию, расширив представление русских читателей о китайской литературе.

2. Разносторонняя деятельность Черкасского свидетельствует о постоянно углубляющейся картине творческих планов учёного и совершенствовании его аналитической позиции, что позволило выделить *четыре основных периода* в развитии этой деятельности:

- 1954–1963 годы;
- 1964–1972 годы;
- 1973–1985 годы;
- 1985–2003 годы.

В первый период начал формироваться многогранный интерес Черкасского к китайской культуре. Предметом его преимущественного внимания были китайская поэзия Троецарствия (220–280), династий Тан (618–907) и Сун (960–1279). Особенно заинтересовало Черкасского творчество Цао Чжи (192–232). *Второй период* стал временем, когда существенно расширился исследовательский и творческий диапазон Черкасского. Учёный разрабатывает компаративистские принципы сопоставительного анализа китайской и европейской поэзии. Именно в это время он обращается к изучению переводов такого яркого явления в истории новой китайской поэзии, как движение «4 мая 1919 г.». Отличительными особенностями *третьего периода* стало совершенствование принципов компаративистского анализа за счёт обращения к сравнению китайской и русской поэзии, особенно В. В. Маяковского. Формируются новые

переводческие интересы Черкасского: обратившись к переводам китайской поэзии 1930–40-х гг., он расширяет горизонты русских читательских представлений о литературе Китая. В **четвертый, заключительный, период** Черкасский усиливает теоретические аспекты в своей переводоведческой деятельности. Учёный исследует переводы русской классической поэзии на восточные языки, впервые вводя в научный обиход обширный литературно-художественный материал. Кроме того, он активизирует свою просветительскую позицию, расширяя аспекты своей редакционно-издательской работы. Именно он позволил увидеть богатство ориенталистской тематики в русской поэзии XVIII–XX столетий на страницах монументальной поэтической антологии «Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы» (1985). Заметным вкладом Черкасского в изучение судеб российского востоковедения является книга-исповедь «Я рядом с корнем душу успокою» (2001).

3. Особенное место в творческом наследии Черкасского занимают переводы китайской поэзии первой трети XX века. Продемонстрировав своеобразие своей переводческой манеры, Черкасский, с одной стороны, сумел добиться в них высокой степени адекватности оригиналу. Он сохранил основные параметры стиховой организации оригинальных произведений (строфики, поэтических строк, рифмической организации), их национальный колорит и общее смысловое содержание. С другой стороны, из-за разницы языков в ряде позиций (поэтическая ритмика, количество слогов) Черкасский прибегал к вынужденной переводческой трансформации. В результате типологическую разновидность его переводческой рецепции в соответствии с типологией поэтического перевода, разработанной Р.Р. Чайковским, можно определить как *перевод-вариация*.

4. Переводы китайских поэтов первой трети XX века, выполненные Черкасским и до сих пор остающиеся уникальными, стали значимым достоянием русской переводной литературы, реально доказавшей свои богатые рецептивные возможности.

Апробация работы. Автор диссертации представил результаты своего исследования на **международной молодёжной научно-технической конференции** «Молодёжь, наука, инновации» (Владивосток, 2013), на **международных научно-практических конференциях** «Русский язык и русская культура в диалоге стран АТР» (Владивосток, 2013, 2015), «Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного Региона России и стран АТР» (Владивосток, 2014), «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2014), «Современные концепции научных исследований» (Москва, 2014), «Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени» (Екатеринбург, 2014), «Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия» (Новосибирск, 2014), «Теоретические и прикладные аспекты современной науки» (Белгород, 2015), «Достижения и проблемы современной науки» (Санкт-Петербург, 2016), на **международной заочной конференции** «III Весенние научные чтения» (Харьков, 2015). По теме

диссертации опубликовано 16 работ, в том числе 4 – в научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Структура диссертации определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников и литературы, включающего 338 наименований.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность выбора темы, определяются объект и предмет исследования; формулируются цели и задачи работы; её научная новизна, теоретическая и практическая значимость; излагаются положения, выносимые на защиту, содержится информация об апробации основных положений диссертации, определяется структура диссертационного сочинения.

Глава I «Основные направления в развитии русско-китайских литературных связей в оценке специалистов» включает три параграфа, где представлена история вопроса и обоснование методологической основы диссертации. В **параграфе 1.1. «Диалог культур Запада и Востока»** представлено обращение к проблеме диалога культур, на основании главным образом работ теоретиков культуры С. Н. Артановского², М. М. Бахтина³, В. М. Межуева⁴, А. Я. Гуревича⁵. Главной в данной ситуации является сформулированная М. М. Бахтиным мысль о том, что «чужая культура – только в глазах другой культуры раскрывает себя полнее и глубже... Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур... При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются, каждая сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются»⁶.

Феномен культурного общения различных народов стал предметом исследования такого интегративного направления современной науки, как межкультурная коммуникация. Эту проблему изучали, прежде всего, Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров⁷, впоследствии её основательно разработала С. Г. Тер-Минасова. Она замечательно сказала о ёмкой многогранности указанного взаимодействия: «Основа и цель диалога культур

² Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур : дис. ... д-ра филос. наук. Л., 1967. 524 с.

³ Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. М. : Искусство, 1979. С. 361–412. Его же. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. 424 с.

⁴ Межуев В. М. Культура и история: Проблема культуры в филос.-ист. теории марксизма. М. : Политиздат, 1977. 199 с.

⁵ Гуревич А. Я. Историческая наука и историческая антропология // Вопр. философии. 1988. № 1. С. 56–70.

⁶ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1979. С. 334–335.

⁷ Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М. : Русский язык, 1990. 246 с.

– взаимопонимание во всех его аспектах – языковом, социокультурном, аксиологическом (осознание и понимание ценностей другой культуры) и т.д.»⁸. основополагающим направлением в исследовании процесса межкультурной коммуникации стало изучение известной культурологической проблематики отношения культур Запада и Востока – от идеи противопоставленности культуры Запада и Востока в XIX в. (Гегель, П. Я. Чаадаев, К. Ясперс⁹) до рассмотрения её единой мировой культурой (Н. Я. Данилевский, Н. А. Бердяев и др.¹⁰). Указанная проблема активно обсуждается современными русскими востоковедами. Так, Т. П. Григорьева, признанный специалист в области восточной культуры, и Е. В. Завадская, авторитетный искусствовед-синолог и переводчик, уверены в необходимости рассмотрения культур Запада и Востока как составляющих единого явления¹¹.

Мощными возможностями воплощения единства западной и восточной культур обладает художественная литература. Не случайно своё влияние на решение указанной проблематики оказала активизация идей сравнительного литературоведения (В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, Д. Дюришин, Р. Ю. Данилевский и др.¹²). Концептуально важной позицией сравнительного литературоведения стала идея мировой (всемирной, всеобщей) литературы, к решению которой обращались такие известные российские литературоведы, как И. Г. Неупокоева, Р. М. Самарин, В. Д. Кузьмина, Н. И. Кравцов, С. В. Тураев, И. А. Тертерян, В. И. Семаков, Е. П. Челышев, Ю. Б. Виппер, Н. И. Конрад и др.¹³.

Указанные позиции стали для автора диссертации важными теоретическими ориентирами в его обращении к изучению русско-китайских литературных связей.

В параграфе 1.2. «Основные научные подходы к изучению русско-китайских литературных связей» автор диссертации осветил основные

⁸ Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики : учеб. пособие. М. : АСТ: Астрель; Хранитель, 2007. С. 2.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Из лекций по философии всемирной истории // Эстетика. Т. 4. М., 1973. С. 160. Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М., 1991. С. 529. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М. : Республика, 1993. С. 121.

¹⁰ Данилевский Н. Я. Россия и Европа. С. 59. Бердяев Н. Судьба России (Опыт по психологии войны и национальности). М. : Мысль, 1990. С. 115.

¹¹ Григорьева Т. П. И ещё раз о Востоке и Западе // Иностранная литература. 1975. № 7. С. 241–258. Её же. Образы мира в культуре: встреча Запада и Востока // История и философия культуры. М., 1996. С. 119–149. Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М. : Наука, 1977. С. 11.

¹² Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л. : Наука, 1979. 494 с. Конрад Н. И. Запад и Восток. М. : Главн. ред. вост. лит., 1972. 496 с. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М. : Прогресс, 1979. 320 с. Данилевский Р. Ю. И. Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России // Русская культура XVIII века и западноевропейские литературы. Л. : Наука, 1980. С. 174–217.

¹³ Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: (Проблемы системного и сравнительного анализа). М. : Наука, 1976. 359 с.; Современные буржуазные концепции всемирной литературы. М. : Наука, 1967. 175 с.; Тураев С. В. Гёте и формирование концепции мировой литературы. М. : Наука, 1989. 267 с.; Виппер Ю. Б. Вступительные замечания // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 1. М. : Наука, 1983. С. 5–12; Конрад Н. И. Введение // История всемирной литературы : в 9 т. Т. 1. М. : Наука, 1983. С. 14–20.

научные подходы к изучению литературных отношений между Россией и Китаем.

Литературные связи между народами России и Китая появились уже в XVIII в., когда первые русские китаисты И. К. Рассохин (1707–1761), А. Л. Леонтьев (1716–1786), О. М. Ковалевский (1800–1878), И. П. Войцеховский (1793–1850), И. И. Захаров (1814–1885) содействовали тесным контактам с Китаем, а И. Я. Бичурин (1777–1853), В. П. Васильев (1818–1900) и П. И. Кафаров (1817–1878) стали основоположниками научного китаеведения в России и получили мировую известность¹⁴.

Российские исследователи всегда были единодушны в признании всемирной значимости и несомненных художественных достоинств китайской литературы. Конечно, прежде всего они заинтересовались классической китайской литературой. В диссертации особо выделена работа К. И. Голыгиной «Изучение китайской классической литературы в России» (2008)¹⁵, где представлен аналитический обзор соответствующих научных трудов, авторами которых стали В. П. Васильев, В. М. Алексеева, Л. З. Эйдлин, Н. Т. Федоренко, И. С. Лисевич, Л. П. Сычев, В. В. Евсюков, Э. М. Яншина, Б. Л. Рифтин, Л. Н. Меньшиков, Л. Д. Позднеева и др.

Вместе с тем, в российской науке наметился возрастающий исследовательский интерес и к современной китайской литературе. Наиболее известны в этом плане работы В. М. Алексеева, Л. З. Эйдлина, М. Е. Шнейдера, В. В. Петрова, Л. Д. Позднеевой, О. З. Фишман, Н. Т. Федоренко, В. И. Семанова, С. Д. Марковой, О. П. Болотина, Т. С. Заяц, Б. А. Васильева, Г. С. Кара-Мурзы, А. Г. Шпринцина, А. А. Антиповского, Л. А. Никольской, В. С. Аджимамудовой, В. Т. Сухорукова и др. Особое значение принадлежит работе В. Ф. Сорокина «Изучение новой и современной китайской литературы в России»¹⁶, в которой представлен обстоятельный обзор процесса становления новой китайской литературы XX столетия.

Достаточно давно в России наметился интерес к ориенталистским влияниям на русскую поэзию. Важным результатом этого интереса в 1985 г. стало академическое издание поэтической антологии «Восточные мотивы»¹⁷. Современные русские и китайские исследователи продолжают активно заниматься изучением русско-китайских связей. В России это Н. А. Лебедева, О. Д. Цыренова, Н. К. Хузиятова, Д. В. Хуземи, М. Б-О. Хайдапова, В. В. Цыбикова¹⁸, в Китае – Ван Вэньцзянь, Би Юэ, Ши Хан, Лю Вэньфэй¹⁹,

¹⁴ Гао Ху. Переводная китайская книга в СССР, 1949–1990 гг. С. 3.

¹⁵ Голыгина К. И. Изучение китайской классической литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3 : Литература. Язык и письменность / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2008. С. 176–193.

¹⁶ Сорокин В. Ф. Изучение новой и современной китайской литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2008. С. 193–202.

¹⁷ Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы / сост. Л. Е. Черкасский, В. А. Муравьев ; послесл. Вяч. Вс. Иванова. М. : Наука, 1985. 508 с.

¹⁸ Лебедева Н. А. Сяо Хун: жизнь, творчество, судьба. Владивосток : Дальнаука, 1998. 164 с.; Цыренова О. Д. Современная китайская поэзия: 1980-е годы–начало XXI века : дис. ... канд. филол. наук.

которые изучали различные проявления русско-китайских литературных связей.

Не менее результативным в исследовании русско-китайских литературных связей стало изучение русскими учёными явления восточной, в частности, китайской ветви русского зарубежья. К этой проблеме обращались О. А. Бузуев, В. В. Агеносов, А. А. Забияко, А. А. Хисамутдинов, С. И. Якимова, Е. Е. Жарикова, Г. В. Эфендиева и др.²⁰.

Важно обратить внимание на тот существенный вклад, который привнес в изучение китайской поэзии Л. Е. Черкасский. Он автор таких обстоятельных работ по китайской литературе, как «Новая китайская поэзия (1920–30-е гг.)» (1972)²¹, «Маяковский в Китае» (1976)²², «Китайская поэзия военных лет (1937–1949)» (1980)²³, «Ай Цин – подданный солнца» (1993)²⁴ и многих других. Важно подчеркнуть, что именно Черкасский воссоздал широкую и детализированную картину развития новой китайской поэзии. В названных работах Черкасского были представлены все основные направления и школы, по которым происходило развитие китайской поэзии, и названы ведущие представители этих направлений. В романтизме это Чжу Цзыцин, Ван Дунцин и др.; реалистами были Сюй Юйно, Ван Цзинчжи и др.; символизм представили Ли Цзиньфа, Дай Ваншу, поэты из группы «Новолуние» (*Синьюэпай*) Сюй Чжимо, Чжу Сян и др. Исследовательская деятельность Черкасского, безусловно, сыграла значительную роль в изучении китайской поэзии и, следовательно, способствовала развитию и укреплению русско-китайских литературных связей.

Таким образом, можно говорить о том, что в российской науке были намечены конструктивные подходы в исследовании русско-китайских

Улан-Удэ, 2006. 179 с.; Хузиятова Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2008. 226 с. Хуземи Д. В. Образно-символический мир в поэзии Се Тяо (V в.) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 324 с. Хайдапова М. Б.-О. Поэтическое творчество Шу Тин в контексте развития китайской «туманной поэзии» (вторая половина 70-х – середина 80-х гг. XX века) : дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 193 с.; Цыбикова В. В. Художественное своеобразие поэзии Хайцы (1964–1989) и его роль в китайской литературе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 20 с.

¹⁹ Ван Вэньцзянь. Образы природы в русской и китайской поэзии первой трети XX века: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. 163 с.; Би Юэ. Проблемы освоения культуры китайского «золотого века» (поэзии Ли Бо и русские переводы) : дис. ... канд. культурологи. М., 2009. 277 с. и др.

²⁰ Бузуев О. А. Литература русского зарубежья Дальнего Востока: Проблематика и художественное своеобразие (1917–1945 гг.) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 353 с. и др.; Агеносов В. В. Литература русского зарубежья. М. : Терра. Спорт, 1998. 543 с.; Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронтира: культура и литература русского Харбина. Новосибирск : Изд-во Сиб. отд-ния РАН, 2016. 437 с.; Хисамутдинов А. А. Из Благовещенска в Харбин и Шанхай: журналист и писатель Яков Лович / [Электронный ресурс] // Русский Харбин, запечатленный в слове: сб. науч. работ к 70-летию проф. В. В. Агеносова. Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2012. URL: http://www.mrcsf.org/research_and_publications/123/ (дата обращения 12.04.2015); Якимова С. И. Жизнь и творчество Вс. Н. Иванова в историко-литературном контексте XX века : монография. Хабаровск : ХГПУ, 2001. 258 с.; Жарикова Е. Е. Ориентальные мотивы в поэзии русского зарубежья Дальнего Востока: генезис, функционирование, типология : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2008. 168 с.; Эфендиева Г. В. Художественное своеобразие женской лирики восточной ветви русской эмиграции : дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 219 с. и др.

²¹ Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия (20–30-е гг.). М. : Наука, 1972. 496 с.

²² Черкасский Л. Е. Маяковский в Китае. М. : Наука, 1976. 224 с.

²³ Черкасский Л. Е. Китайская поэзия военных лет. (1937–1949). М. : Наука, 1980. 272 с.

²⁴ Черкасский Л. Е. Ай Цин – Подданный Солнца : (Книга о поэте). М. : Наука, 1993. 233 с.

литературных связей, в соответствии с которыми были разработаны многие важные проблемы. Видное место в их решении принадлежит Черкасскому.

Важным и перспективным направлением в изучении русско-китайских межлитературных отношений является исследование русской переводческой рецепции китайской поэзии. Поэтому в *параграфе 1.3. «Литературный перевод как важнейший фактор восприятия китайской поэзии в России»* представлен обзор переводов китайской поэзии в России. Уточняются и важные переводоведческие категории и понятия: отличительные особенности и особый художественный статус переводной литературы, типология поэтических переводов, переводная множественность. К данным вопросам обращались Р. Р. Чайковский, Е. Л. Лысенкова, Е. А. Первушина и др.²⁵

Наиболее убедительным теоретическим ориентиром в изучении степени адекватности русских поэтических переводов китайским оригиналам для автора диссертации явились работы Р. Р. Чайковского. Ещё в 1997 г. в книге «Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты)»²⁶ учёный представил разработанную им типологию поэтических переводов, выделив в ней 9 основных позиций. Наиболее близкой подлиннику переводческой версией он назвал адекватный перевод, далее следовали вольный перевод, стихотворение на мотив оригинала, подражание, перевод-реминисценция, перевод-девальвация, подстрочный перевод, прозаический перевод и, наконец, перевод-адаптация. Новым шагом для исследователя стало введение новой позиции в его типологическую систему – перевода-вариации. Этот тип был представлен и описан в работе «Перевод поэзии: типология и множественность»²⁷, написанной в 2013 г. в соавторстве с Е. Л. Лысенковой. По мнению авторов, перевод-вариация занимает место между адекватным и вольным переводами.

Важные выводы о русских переводах китайской литературы, сделаны китайским учёным Гао Ху²⁸. В Советской России уже были знакомы с такими поэтами, как Тао Юаньмин (陶渊明, 365–427), Бо Цзюйи (白居易, 772–846), Ду Фу (杜甫, 712–770), Ли Бо (李白, 701–762), Су Дунпо (苏东坡, 1037–1101) и многими другими китайскими поэтами древности и средневековья. Известный китаист, основоположник советского китаеведения В. М. Алексеев сделал переводы поэтических творений Ли Бо, Оуян Сю и др., которые получили широкий резонанс в мировой синологии. Ученик Алексеева Л. З. Эйдлин выполнил значительные переводы китайской поэзии Бо Цзюйи и Тао Юаньмин. Переводами китайской классической поэзии

²⁵ Чайковский Р. Р. Основы художественного перевода. Магадан : Изд-во СВГУ, 2008. 182 с.; Его же. Поэтический перевод в зеркале сомнений. Магадан : Кордис, 1997. 104 с. и др.; Первушина Е. А. Сонеты Шекспира в России: переводческая рецепция XIX–XXI вв. : монография. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 364 с.

²⁶ Чайковский Р. Р. Реальности поэтического перевода (типологические и социологические аспекты). Магадан : Кордис, 1997. 197 с.

²⁷ Чайковский Р. Р., Е. Л. Лысенкова. Перевод поэзии: типология и множественность : учеб. пособие для студентов-филологов. М. : ИИУ МГОУ, 2013. 194 с.

²⁸ Гао Ху. Переводная китайская книга в СССР, 1949–1990 гг. : проблемы издания и тематико-типологический анализ : дис. ... канд. пед. наук. М., 2001. 215 с.

занимались и крупные русские поэты. Например, А. А. Ахматова перевела древнего китайского поэта в истории китайской литературы Цюй Юань, А. И. Гитович – Ду Фу, А. А. Штейнберг – Ван Вэя, Е. В. Витковский – Су Дунпо и др.

Важно обратить внимание на литературные переводы, выполненные Л. Е. Черкасским. Именно благодаря ему в России появились многие поэтические сборники китайских авторов, завоевавшие читательское признание. Это «Дождливая аллея. Китайская лирика 20–40-х годов» (1969)²⁹, «Пятая стража. Китайская лирика 30–40-х годов» (1979)³⁰, «Сорок поэтов» (1978)³¹, «Огненная мгла» (1997)³² и многие другие. Русские читатели познакомились с новой китайской поэзией, в первую очередь благодаря переводческой деятельности Черкасского. Она сыграла значимую роль в формировании переводной литературы в России.

Таким образом, Черкасский-переводчик проделал огромную работу, результатом которой стало активное введение в русский читательский контекст произведений новой китайской поэзии. Он открыл для русских читателей ранее не известных им китайских авторов и расширил представление русских читателей о китайской поэзии.

Для более полного и глубоко системного представления переводческой рецепции новой китайской поэзии, осуществленной Черкасским, необходимо представить её в контексте всей исследовательской и творческой деятельности Черкасского. Её обзору посвящена **Глава II диссертации «Основная периодизация исследовательской, творческой и просветительской деятельности Л. Е. Черкасского».**

Глава открывается биографией Черкасского, в которой представлен процесс научного и творческого роста учёного-переводчика. Автор диссертации указал на преемственность его научной позиции, сформировавшейся на основе достижений академической школы русского востоковедения. Её основоположником был В. М. Алексеев (1881–1951), который впервые в русской науке поднял вопрос о необходимости изучения истории художественной литературы в Китае. До этого китайской литературой называлось все письменное наследие китайцев. В него включали не только философские и религиозные трактаты, но и их труды по сельскому хозяйству либо по военной науке. Не менее важно подчеркнуть, что Алексеев, ставший непревзойдённым мастером перевода, разработал и основные переводоведческие подходы к работе с классиками китайской литературы.

Достижения Алексеева, требовавшего адекватной точности поэтических переводов, продолжили многие его ученики. Один из самых известных – Л. З. Эйдлин (1910–1985). Он стоял во главе целой школы

²⁹ Дождливая аллея : китайская лирика 20–30-х годов : [сб.] / пер. Л. Е. Черкасского. М. : Наука, 1969. 199 с.

³⁰ Пятая стража : кит. лирика 30–40-х гг. : [сб.] / пер. Л. Е. Черкасского. М. : Наука, 1975. 128 с.

³¹ Сорок поэтов : кит. лирика 20–40-х гг. : [сб.] / пер. Л. Е. Черкасского. М. : Наука, 1978. 342 с.

³² Огненная мгла : китайская поэзия в переводах Л. Е. Черкасского. Иерусалим : Иерусалим. изд. центр, 1997. 266 с.

востоковедов, подготовив защиты более 20 соискателей степени кандидата наук, в том числе – самого Черкасского. Высокопрофессиональный исследователь китайской словесности, Эйдлин известен и обстоятельной методологической разработкой принципов восточного поэтического перевода. Известный в России деятель поэтического перевода, создатель сайта «Век перевода» Е. В. Витковский отметил, что «Эйдлин довёл до логического завершения метод перевода китайских стихотворений, Эйдлин довёл искусство перевода с китайского до той степени, которую прежде соблюдали лишь наши перелазгатели античной поэзии»³³.

Огромное влияние на Черкасского оказал В. В. Петров, автор книги о современном китайском поэте Ай Цине, которая была в числе работ, открывших период монографических исследований о литературе Китая.

Черкасский продолжил научные и переводческие изыскания своих выдающихся наставников. Его творческий путь отразил стремление учёного к постоянному совершенствованию переводческих методов и углублению теоретической позиции.

В диссертации разработана основная периодизация творческой и исследовательской деятельности Черкасского. В главе выделены четыре параграфа, каждый из которых представляет анализ соответствующего этапа. В *параграфе 2.1. «1954–1963 гг.: становление интереса к китайской культуре»* говорится о том, как начался первый период формирования у Черкасского интереса к Китаю. Этот интерес сразу стал многогранным, потому что учёного привлекали и китайская культура в целом, и история Китая, и китайская литература, особенно поэзия – как древняя, так и новая. Черкасский продемонстрировал широкий исследовательский и переводческий интерес к китайской литературе разных исторических эпох – от III в. до XX в., специально выделив в средневековой поэзии творчество Цао Чжи. Однако тогда уже начал формироваться интерес Черкасского и к новой китайской литературе. Прежде всего, он обратился к изучению и переводам китайских поэтов первой трети XX века.

Поэтому в *параграфе 2.2. «1964–1972 гг.: формирование переводческой позиции и обращение к изучению и переводам китайской поэзии первой трети XX века»* отмечено, как существенно расширился исследовательский и творческий диапазон Черкасского. Обращаясь к сопоставительному анализу китайской и европейской литератур, учёный усовершенствовал свою компаративистскую позицию. В этот период сформировался устойчивый интерес Черкасского к новой китайской поэзии. Характеристике именно этого периода посвящена реферируемая диссертация. Черкасский обращался к переводу стихотворений такого яркого и значимого явления в китайской литературе, как новая поэзия Китая. Интерес к переводу новой китайской поэзии Черкасский сохранил на протяжении всей жизни.

³³ Витковский Е. В. Лев Эйдлин // Век перевода. URL: <http://www.vekperevoda.com/1900/lejdlin.htm> (дата обращения 27.12.2016).

Черкасский постоянно стремился к научному и творческому росту. Об этом говорится в *параграфе 2.3. «1973–1985 гг.: совершенствование принципов переводоведческого анализа в сопоставлении русской и китайской поэзии»*, посвященном третьему периоду деятельности Черкасского. Отличительной особенностью данного периода стало расширение объектных границ производимого им сравнительного анализа. Теперь учёный обратился к сопоставлению китайской и русской поэзии, уделив особое внимание В. В. Маяковскому. Черкасский сделал выводы о влиятельной роли поэзии Маяковского на китайскую поэтическую культуру и об особенностях китайской переводческой рецепции поэта. Кроме того, Черкасский продолжил переводить китайских поэтов и заметно раздвинул хронологические рамки своих переводческих объектов, обратившись к ранее не переводимым авторам из других исторических эпох.

Параграф 2.4. «1985–2003 гг.: углубление и активизация исследовательской и редакционно-издательской деятельности» описывает заключительный период, когда состоялись самые значительные достижения Черкасского. Он углубил свои переводоведческие позиции, обратившись к изучению переводов русской классической поэзии на восточные языки, впервые введя в научный обиход обширный литературно-художественный материал. Черкасский заметно активизировал свою просветительскую позицию, расширив аспекты редакционно-издательской работы. Именно Черкасский позволил увидеть богатство ориенталистской тематики в русской поэзии XVIII–XX столетий на страницах уже названной поэтической антологии «Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы» (1985)³⁴.

Особое место в творческой биографии Черкасского заняла необычная и сложная в жанровом плане книга «Я рядом с корнем душу успокою» (2001)³⁵. Это и своеобразная исповедь творчески одаренного человека, и одновременно профессиональный взгляд на судьбы российского востоковедения, главным образом – китаеведения. Выразив огромную гордость за достижения таких известных российских синологов, как Г. Б. Ярославцев, И. М. Ошанин, Т. П. Григорьева, Л. З. Эйдлин, М. Е. Шнейдер, В. В. Петров, О. Л. Фишман, Л. Н. Меньшиков, Е. А. Серебряков и др., Черкасский вдохновенно рассказал о многих из них.

Конечно, в первую очередь, это его учитель Л. З. Эйдлин. Влиятельную значимость для российского востоковедения имела его докторская диссертация, посвященная творчеству великого средневекового поэта Тао Юаньмина (陶淵明). Впоследствии Эйдлин долго оставался постоянным экспертом Черкасского, критиком и ответственным редактором его монографий и сборников переводов.

Не менее важную роль в истории российского востоковедения, по мнению Черкасского, сыграл М. Е. Шнейдер, автор монографии,

³⁴ Восточные мотивы. Стихотворения и поэмы.

³⁵ Черкасский Л. Е. Я рядом с корнем душу успокою : монологи востоковеда. Иерусалим : Скопус, 2001. 239 с.

посвященной творчеству писателя-публициста, поэта-переводчика и критика-марксиста Цюй Цюбо. Именно Шнейдер в монографии «Русская классика в Китае» (1977) представил целостную картину распространения русской литературы в Китае – её переводов, оценок, творческого освоения. Кроме того, Шнейдер составил обстоятельную библиографию переводов на китайский язык произведений Л. Н. Андреева, Ф. М. Достоевского, А. Н. Островского, А. С. Пушкина, А. П. Чехова.

Черкасский указал на значимость научных достижений О. Л. Фишман, которая впервые познакомила русских читателей с творчеством Ли Бо, защитив в 1946 г. посвященную ему кандидатскую диссертацию. Впоследствии Фишман обратилась к изучению китайского сатирического романа эпохи Просвещения. Весомый вклад в развитие российского востоковедения вложил и Л. Н. Меньшиков, занимавшийся традиционным китайским театром, классической литературой, рукописной книгой, реформой письменности и др. Проблемами средневековой китайской литературы активно занимался Е. А. Серебряков. Опубликованные им работы, основанные на научном прочтении сложнейших в языковом и идейном отношении литературных памятников древнего и средневекового Китая, открыли новые перспективы в изучении китайской литературы, особенно творчества Ду Фу.

В целом книга Черкасского даёт понять, что русское востоковедение середины XX столетия сложилось как мощная исследовательская школа. Судьбы названных Черкасским учёных стали своеобразными вехами на его собственном творческом пути.

Поэтическим доказательством того, насколько важна и дорога была для Черкасского китайская поэзия, является использование им в качестве заглавия книги и всех её глав поэтических строк из стихотворений китайских поэтов. В контексте книги Черкасского они приобрели новый эстетический и духовный смысл.

Таким образом, творчество Черкасского, выступавшего издателем, исследователем и переводчиком, уникальным открывателем восточной, преимущественно китайской поэзии в России, было многогранным и плодотворным. Взгляд на творческую эволюцию ученого и поэта-переводчика позволяет увидеть непрекращающийся рост его творческих планов и совершенствование аналитической позиции.

В *Главе III «Китайская поэзия первой трети XX века в переводах Л. Е. Черкасского»* представлен сопоставительный анализ стихотворений китайских поэтов и их переводов, выполненных Черкасским. В этой главе две основных части. Поскольку многие поэты, которых переводил Черкасский, были участниками движения «4 мая 1919 г.», автор диссертации счел необходимым дать характеристику его отличительных особенностей. Она представлена в *параграфе 3.1. «Движение «4 мая 1919 г.» как явление новой китайской поэзии»*. Здесь отмечено, что участники указанного движения способствовали становлению новой поэтической культуры в китайской поэзии. На становление новой китайской поэзии сильное влияние

оказала западная литература. Например, стихотворение Лю Баньнуна «Кузнец» было создано под влиянием «Деревенского кузнеца» Г. Лонгфелло. Сюй Чжимо дружил с Томасом Гарди, в стихотворениях Сюй Чжимо писал о Западе. Под влиянием иноязычной литературы в Китае появились и новые жанры, например, миниатюра, сонет и др. Исследователи указали, что в основе реформы, произведённой новыми поэтами, был отказ от традиционного поэтического языка, используемого до XX в., – *вэньяня* (文言). Вместо него в начале XX в. стала использоваться новая языковая форма – *байхуа* (白话), близкая к разговорной речи. Серьезные изменения наметились и в области поэтического размера, поскольку ведущей формой новых авторов стал верлибр³⁶.

Важными для производимого в диссертации сравнительного анализа новых китайских авторов и их переводов, выполненных Черкасским, стали те стиховые особенности, на которые указал сам Черкасский. Он отметил своеобразную «неправильность» свободного китайского стиха, выраженную в асимметричности поэтических строк: длина одной строки обычно не совпадает с длиной расположенной рядом строки, либо с длиной последующих или предыдущих строк; причём это расхождение может быть весьма значительным. Поэтические строки выделялись в зависимости от естественной паузы во фразе. В результате в строке возникало произвольное количество слогов, а в строфе – произвольное количество строк³⁷.

Вторая часть главы посвящена непосредственному анализу своеобразия переводческой рецепции Черкасского. Этот анализ представлен в *параграфе 3.2. «Принципы поэтического перевода-вариации как основа переводческой рецепции Л. Е. Черкасского»*. Вначале рассмотрены те особенности переводов Черкасского, которые свидетельствуют об их адекватности оригиналу, а затем – факты переводческих отступлений от него. Поэтому в данном параграфе выделены два основных пункта. В **пункте 3.2.1. «Параметры адекватности перевода оригиналу»** в свою очередь выделены три подпункта. В подпункте 3.2.1.1. «Воссоздание основных позиций стиховой организации: строфики, поэтических строк и рифмической организации» проанализировано соответствие стиховой организации оригинальных и переводных стихов, выявлена адекватность переводов в указанных параметрах. Прежде всего, сделан вывод о том, что Черкасский бережно сохранил разнообразную строфику оригинальных произведений. Все поэтические строфы, в которых писали китайские авторы, – дистихи, терцеты, катрены, пятистишия, секстины, даже сонеты – были бережно воссозданы в переводах Черкасского.

Так, в переводе стихотворений Лю Дабая «Дневная свеча» (白天的蜡烛); Сюй Чжимо «Надпись на могиле пессимиста по Гарди» (一个厌世人的

³⁶ Об этом подробнее см.: Лю Чжицян. Поэтическая деятельность периода «Движения 4 мая 1919 г.» в оценке современных китайских литературоведов // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 303–306.

³⁷ Черкасский Л. Е. Новая китайская поэзия (20–30-е гг.). С. 195

墓志铭); Ван Япина «Смотритель маяка» (灯塔守者) и др. сохранено *двустилишие*. При переводе *трёхстрочных строф* Черкасский так же верен оригиналу. Например, в переводе стихотворений Лю Дабая «Моя родина» (我的故乡); Дай Ваншу «Ночная песня скитальца» (流浪人的夜歌); Ван Япина «Река Хуанпу» (黄浦江); миниатюр Се Бинсинь и др. Сохранял Черкасский и *пятистрочные строфы*. Это можно увидеть в переводах стихотворений Чжу Сяна «Поиски» (寻); Инь Фу «Призрачные мечты» (幻象) и «Будь счастлив» (祝); Сюй Чжимо «Дикие гуси» (雁儿们) и др. При переводе стихотворения Фэн Чжи «(Встречная газета) уличному продавцу газет» (晚报) Черкасский сохранил и *шестистрочную строфу*.

Излюбленной строфической формой у китайских поэтов был *катрен*. Черкасский бережно сохранил и эту строфическую особенность. Например, в переводах таких известных стихотворений, как «Юный монах» (小和尚) Ван Цзинчжи и «В поисках яркой звезды» (为要寻一颗明星); «Божество» (天神似的英雄), «Я не знаю, куда ветер дует» (我不知道那个是在哪一个方向吹) Сюй Чжимо. Этот вывод подтверждается анализом переводов Ван Цзинчжи, Фэн Чжи, Чжу Сяна, Шао Сюньмэя, Чэнь Мэнцзя, Инь Фу, Дай Ваншу, Пу Фэна, Ван Япина, Ин Сюжэнь, Пань Моухуа, Цзян Гуанцы и мн.др.

Естественно, что Черкасский сохранил в своих переводах те строфические формы, которые пришли в китайскую поэзию из европейской. Таков сонет. К его строгому поэтическому канону обращались Фэн Чжи, Бай Ма, Сюй Юйно, Сюй Чжимо и другие поэты. Черкасский воспроизводил в переводах эту стихотворную форму. Так, в переводе сонета Чжу Сяна «Почтальону путь везде» (我情愿作一个邮政的人), написанного по английскому образцу (3 катрена + дистих), перевод Черкасского адекватен строфической форме оригинала.

Во всех примерах от переводчика требовалось воспроизвести характерную *асимметрию поэтических строк*. Черкасский в переводах сохранил эту особенность.

Кроме того, Черкасский был последователен в верности другому важному принципу поэтического перевода – принципу *эквILINEАРНОСТИ*. Это подтверждают проанализированные в диссертации переводы стихотворений Лю Баньнуна «Вот и дождался...» (小诗); Лю Дабая «Пахота» (驾犁); «Как будто что-то потерял» (似乎失去了什么); «Люди говорят» (人们说); Сюй Юно «Письмо матери» (给母亲的信); Ван Цзинчжи «Юный монах» (小和尚), «Я хочу» (我愿), Фэн Чжи «Горечь» (无花果) и многих других.

Таким же важным параметром в деле поэтического перевода является соблюдение *рифмической организации* оригинального произведения. В работе сделан вывод о достаточной точности Черкасского в этом плане. Так, например, в переводе стихотворения Сюй Чжимо «В поисках яркой звезды» (为要寻找一颗明星) Черкасский сохранил *опоясывающую* рифму, а в

переводе другого стихотворения поэта – «Прочь» (去 吧) – точно воспроизведена *парная* рифма. Рифмически точен перевод стихотворения Чэнь Мэнцзя «Лютня» (琵琶), где наблюдается *перекрёстная* рифма.

Таким образом, автор диссертации пришёл к выводу о том, что переводы Черкасского отличает высокая степень адекватности в воссоздании основных особенностей стиховой организации переводимых им произведений новых китайских авторов – строфики, ассиметрии поэтических строк, принципа эквилинеарности, рифмических особенностей.

В подпункте 3.2.1.2. «Сохранение национального колорита в переводах» рассматривается, в какой мере Черкасский сумел воспроизвести национальный колорит переводимых произведений. Анализируя переводные и оригинальные стихи, диссертант пришёл к выводу о том, что Черкасский добился заметных успехов в этом плане, сохраняя в своих переводах слова, называющие характерные символы китайской культуры. Например, в переводе стихотворения Чжэнь Мэнцзя Черкасский сохранил оригинальное название – «*Гуаньинь*» (观音). «*Гуаньинь*» – это персонаж китайской мифологии, божество, выступающее преимущественно в женском обличье, спасающее людей от всевозможных бедствий. Гуаньинь покровительствует женщинам, помогает им при родах. Образ «*Гуаньинь*» почитается представителями практически всех конфессий Китая. Перевод Черкасского повышает интерес читателей и заставляет их обратиться к постижению истинного значения этого выражения. В переводе стихотворения Ша Оу «Гадальщик» Черкасский оставляет китайское звучание слова, называющего китайский струнный смычковый инструмент, разновидность скрипки – *Хуцинь*. Употребление этого слова для знающего читателя привносило в его восприятие оттенок музыкального очарования стиха. В переводе миниатюры Се Бисинь Черкасский воспроизвёл оригинальное звучание в названии цветка дикой сливы муме – *Мэйхуа*. Этот цветок известен как сложный и многозначный символ Китая. В Китае этот цветок символизирует долголетие, зиму, красоту, чистоту, отшельничество. Так как слива цветёт зимой, она также олицетворяет силу, стойкость и триумф. Сохранив это звучание, Черкасский некоторым образом донёс до читателей уважительное отношение к символическому подтексту слова.

Читательскому восприятию китайского колорита помогает и то, что Черкасский называет китайские топонимы. Например, в переводе стихотворения Го Можо «Богиня Луны Чан Э мечтает вернуться в Китай» Черкасский сохраняет национальный колорит, вводя в свой переводной текст общепринятое китайское название Китая – *Чжунго*. Стихотворение Ван Япина «Река Хуанпу» (黄浦江) названо топонимом. Если дословно перевести это слово – «Река с жёлтыми берегами». В переводе Черкасский оставил это название – *Хуанпу*. Аналогичная особенность наблюдается в переводе стихотворения Ли Гуантяня «Поездка на Тяньцзяо» (上天桥去). Дословный перевод выражения «*Тяньцзяо*» – это небесный мост, это историческое место в Пекине. Здесь Черкасский сохранил оригинальное

название не по семантике этого слова, а явственно передал его выразительный облик.

В такой же мере на китайскую поэтическую ауру настраивают читателя и китайские имена, называемые в переводах. Например, в переводе стихотворения Цзоу Дифаня «Победим А-кью в себе» (跨过阿 Q) Черкасский оставил имя «А-кью». А-кью является героем выдающейся повести Лу Синя «Подлинная история А-кью». Такая же особенность наблюдается в переводе стихотворения Го Можо «Богиня Луны Чан Э мечтает вернуться в Китай». Отметим, что само имя «Чан Э» связано с очень популярной в Китае легендой. Она рассказывает о женщине, которая, возмущившись жестокостью мужа, задумавшего сбить Солнце, навеки покинула его и стала богиней Луны. И это имя, безусловно, оттеняет национальный колорит. Конечно, и это имя, и связанные с ним ассоциации уже переносят читателя в мир старинных китайских поверий.

Наконец, созданию национального колорита способствует и сохранение названий отдельных китайских реалий. Так, в переводах миниатюры Чжу Цзыцина, стихотворений Вэнь Лю «Песня каменщика» (打砖歌) и Пу Фэна «Песенка шанхайского рикши» (上海车夫曲) Черкасский использует национальные названия китайских *денежных единиц* – «фэнь» и «цзяо» (*мао*). Переводя стихотворение Цюй Цюбо «Красный прибой» (赤潮曲), Черкасский оставляет название *метрической единицы* в Китае – «чжан».

В этом же плане диссертант отметил сохранение Черкасским *звукоподражаний*. Например, в переводе миниатюры Сюй Юйно «Ночные звуки» (夜声) автор употребляет в ней выразительный повтор призыва «убей» (杀). Однако Черкасский предпочёл не переводить этот призыв, а воспроизвести его оригинальное звучание – «ша». В переводе Кан Байцина «Трава впереди» (草儿) Черкасский воспроизводит тот не совсем понятный для русских словесный повтор от вздыхания быка «Ху, Ху...». Именно этот повтор звучит в стихотворении Кан Байцина. К аналогичному приёму прибегает Черкасский при переводе стихотворения Лю Баньнуна «Кузнец» (铁匠). Для китайцев выражение «дин-дан» воспроизводит звук кузнечного молота, хотя для русских это выражение скорее напоминает звук колокольчика.

Читательскому восприятию национального колорита переводимых Черкасским китайских стихов во многом помогали выполненные им сопроводительные комментарии. С их помощью русские читатели могли ориентироваться в реалиях китайской истории, обычаев и др. Так, интересен комментарий Черкасского к словосочетанию «первая стража, вторая стража, третья стража, четвёртая стража и пятая стража» в стихотворении Пу Фэна «К свету» (从黑暗到光明). Это малоизвестное русским читателям выражение часто употреблялось при описании ритуала ночной стражи во времена династии Хань Китая III века. Ночная стража тогда делилась на пять двухчасовых отрезков ночи с семи часов вечера до пяти часов утра. В старой

китайской деревне с наступлением новой стражи били в барабан либо в колотушку, и звучал колокол местного храма.

Таким образом, благодаря указанным приемам Черкасскому в большой мере удавалось воспроизвести национальный колорит переводимых им произведений китайских авторов.

Конечно, важнейшим показателем степени адекватности поэтического перевода является сохранение художественного смысла переводимого произведения. Этот вопрос рассматривается в подпункте 3.2.1.3. «Общее смысловое соответствие оригиналу». В работе выполнен сравнительный анализ самых известных стихотворений наиболее значимых китайских авторов – «Я не знаю, куда ветер дует» Сюй Чжимо, «Между ними лишь слой бумаги» (相隔一层纸), «В поисках яркой звезды» Лю Баньнуна; «Смотритель маяка» (灯塔守者) Ван Япина; «Дождливая аллея» (雨巷) Дай Ваншу; «Уничтожение» (毁灭) Чжу Цзыцина и многих других – и их переводов, выполненных Черкасским. Этот анализ подтвердил высокую степень их смысловой адекватности подлиннику. Например, в переводе стихотворения Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» Черкасский сохранил поэтическую анафору Сюй Чжимо и сумел не потерять лирического обаяния стихотворения. Он нашёл достаточно выразительные вербальные средства выражения того поэтического контраста, благодаря которому происходило сюжетное движение стихотворения. Вначале герой радуется прекрасной мечте. Он кружится, ликует и найдёт сияющую красоту. А потом герой страдает, потому что сияние этих грёз обернулось для него мраком разочарования. Лирический герой переводного текста так же страдает и мечется: с одной стороны, он восторженно ликует в сиянии упоительных грёз, с другой – скорбит и страдает в мрачном пространстве убийственной реальности. В результате можно говорить о высокой степени адекватности переводов Черкасского оригинальным произведениям китайских поэтов первой трети XX столетия.

Вместе с тем во второй части главы проанализированы и факты переводческих отклонений Черкасского от подлинников. Этому вопросу посвящен **пункт 3.2.2. «Переводческие отступления от оригинала»**. В этой структурной части диссертации также выделены три подпункта. Первый из них – подпункт 3.2.2.1. «Видоизменение просодии и ритмики». Важно подчеркнуть, что эти отступления носят объективный характер, поскольку определены принципиальными различиями между исходным (китайским) поэтическим языком и языком принимающей литературы (русским). Общеизвестно, насколько отличаются в указанном плане русский и китайский языки. В русском языке есть только ударные и безударные слоги, а в китайском языке, гласные звуки различаются не по ударной / безударной позиции, а по их тональности. В китайском языке существуют четыре тона. Их принято обозначать следующим образом: первый тон «—», второй тон «´», третий тон «ˇ» и четвёртый тон «`». Соответственно различается и поэтическая ритмика в китайской и русской поэтической системах. Поэтому

Черкасский, который объективно не мог воспроизвести ритмический рисунок подлинника, менял его в своём переводе китайских стихов. Так, например, перевод Черкасского стихотворения Чэнь Мэнцзя «Лютня» (琵琶) явно уступает подлиннику в музыкальности звучания.

Не случайно в графическом оформлении своих переводов Черкасский использовал поэтическую «лесенку», к которой так часто обращался В. В. Маяковский, несмотря на то, что авторы оригинальных произведений ее не вводили. Подобное преобразование отмечено в переводах стихотворений Чжу Цзыцина «Свет» (光明), Сюй Юйно «Сад будущего» (将来之花园), «Новая песня» (新歌), «Ночные звуки» (夜声), «Порок» (预言者), Ван Цзинчжи «Я хочу» (我愿), Дай Ваншу «Осень» (秋), Ван Япина «Ангел мира» (和平天使), «Зима в городе» (都市的冬) и многих других.

Другое объективное отступление от оригинала связано с несовпадением количества слогов в китайском слове и его русском переводном варианте. Как правило, в русском языке слова более многосложны, чем в китайском. Поэтому в своих переводах Черкасский объективно был вынужден либо сокращать, либо увеличить количество слогов в строке. Это можно увидеть при переводе стихотворения Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует»; в оригинальном тексте в первой поэтической строке 6 слогов, а в переводе Черкасского их уже 4. В оригинальном стихотворении Ван Япина «Смотритель маяка» во второй строке 11 слогов, а в переводе Черкасского их 13. В стихотворении Ван Цзинчжи «Превращенья» (还能变成什么) в первой строке 11 слогов, а в переводе Черкасского – 8. В оригинале Дай Ваншу «Мои воспоминания» (我的记忆) в четвёртой строке 13 слогов, а в переводе – 11.

В подпункте 3.2.2.2. «Переводческая трансформация оригинальных названий» указано несколько приёмов подобных переводческих отступлений. Черкасский сокращал названия стихотворений, помогая читателям более четко сосредоточиться на смысле переводимых стихов. Так, например, Лю Баньнуна «我们俩» (Нас двое) переведён просто «Двое»; заголовок Чжу Цзыцина «小草» (Маленькие травы) – «Травы». Заголовки Сюй Чжимо «这是一个怯懦的世界» (Это один трусливый мир) – «Трусливый мир»; «最后的那一天» (Последний тот день) – «Последний день»; «深夜» (Глубокая ночь) – «Ночь». Заголовок Дай Ваншу «我的素描» (Мой автопортрет) – «Автопортрет». Заголовок Ван Цзинчжи «一只手» (Одна рука) – «Рука».

Иногда Черкасский вводил названия к поэтическим миниатюрам Лю Баньнуна и Чжу Сяна, хотя в оригинале эти стихи не имели заголовков. Чаще всего Черкасский использовал первые строки этих миниатюр или употребленные в них слова – «Вот и дождался...» и др. Лю Баньнуна; «Дитя» Чжу Сяна; «Пьянят людей» и др. Лю Дабая и др.

Наиболее используемым приемом является *трансформация заглавия*. Этот приём проанализирован в переводах стихотворений Сюй Чжимо. Так, более развернутое оригинальное название «Герой, подобный небесному

богу» (天神似的英雄) Черкасский переводит просто «Божество». Указанная трансформация очевидна также в переводах стихотворений Чжу Сяна, Дай Ваншу, Ван Цзинчжи и др. Причины этих преобразований разнообразны. Например, изменив оригинальное название стихотворения Дай Ваншу «过时» (Устареть) на оксюморон «Молодой старик», Черкасский таким образом усилил драматический смысл заголовка.

Черкасский отступал и от буквализма в воспроизведении оригинальной поэтической лексики. Эти наблюдения отражены в подпункте 3.2.2.3. «Переводческие предпочтения в выборе поэтической лексики». Здесь отмечено, что основным стратегическим принципом, которым руководствовался переводчик, была русификация. Черкасский предпочитал слова и выражения, которые были привычными для русского читателя, отказываясь от тех конструкций, которые воспринимались чужеродными. Так, в переводе поэтической миниатюры Лю Баньнуна авторское выражение «眼泪啊! / 你也本是有限的...», буквально означающее «О слёзы! / Вы на самом деле ограничены», Черкасский переводит «О слёзы, / ... Вы тоже не вечны». В переводе стихотворения Дай Ваншу «Ночная песня скитальца» авторское выражение «残月是已死美人» («луна на ущербе») Черкасский переводит поэтически близким русскому читателю выражением «бледная луна».

Иногда переводчик поступал так, стараясь придать переводным словам выразительные образные оттенки. Например, при переводе другой миниатюры Лю Дабая, в которой говорится «最能教人醉的 / 酒吧, / 青春吧» («Лучше всего научит людей пьянеть Алкоголь, / Молодость...»), Черкасский переводит «Пьянят людей / Вино, Весна...». Он отказался от образно нейтрального слова «алкоголь», использовав употребляемое в поэтическом контексте слово «вино»; выбрав слово «весна» вместо оригинального «молодость», переводчик подчеркнул образные оттенки обновления, расцвета, свежести.

Произведенный в диссертации анализ переводов Черкасского позволил ее автору сделать вывод о типологической разновидности переводческой рецепции Черкасского. С одной стороны, очевидно, что уровень точности переведённых им произведений достаточно высок. Прежде всего, Черкасскому удалось воссоздать основное смысловое содержание переводимых им стихотворений, в значительной мере сохранив их национальный колорит. Этому способствовало и то, что переводчику удалось воссоздать основные параметры стиховой организации этих произведений (строфику, асимметрию поэтических строк, принцип эквилинеарности, рифмические особенности). С другой стороны, из-за объективных различий между русским и китайским языками в ряде случаев Черкасский был объективно вынужден уклоняться от оригинала в выборе поэтической лексики, прибегая к неизбежной в таких случаях русификации. Эта же тенденция просматривается и в том, как менял или вводил переводчик поэтические заглавия китайских стихотворений.

Однако эти отступления не были задуманными изменениями оригинала, они возникали из-за языкового сопротивления оригиналу. Поэтому в соответствии с разработанной Р. Р. Чайковским и Е. Л. Лысенковой типологией поэтического перевода в диссертации делается вывод о том, что переводы Чайковского можно квалифицировать как *перевод-вариацию*.

В заключении содержатся полученные в результате исследования выводы, позволившие автору сформулировать выносимые на защиту положения данной диссертации. Открыв русским читателям новые имена и новые факты из истории китайской поэзии первой трети XX века, Черкасский существенно расширил представление о китайской словесности в России. Его поэтические переводы обогатили русскую переводную литературу. Они и сейчас имеют огромное значение для развития русско-китайских литературных, и более того – культурных отношений.

Работы, опубликованные по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Лю Чжицян** Стихотворение Сюй Чжимо «Я не знаю, куда ветер дует» в переводе Л. Е. Черкасского / Чжицян Лю // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2014. – № 4. – С. 166–171. – 0,5 п.л.

2. **Лю Чжицян** Основная периодизация в исследовательской, творческой и просветительской деятельности Л. Е. Черкасского / Чжицян Лю // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2015. – № 1 (45). – С. 137–141. – 0,67 п.л.

3. **Лю Чжицян** Переводческая трансформация Л. Е. Черкасского названий китайских стихотворений (на материале сборника «Дождливая аллея», 1969) / Чжицян Лю // Мир русского слова. – 2015. – № 2. – С. 87–91. – 0,4 п.л.

4. **Лю Чжицян** Своеобразие рецепции национального колорита в переводах Л. Е. Черкасского / Чжицян Лю // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 12 (66). – С. 29–33. – 0,45 п.л.

Публикации в прочих научных изданиях:

5. **Лю Чжицян** Поэтическая деятельность периода «Движения 4 мая 1919 г.» в оценке современных китайских литературоведов / Чжицян Лю // Вестник Азиатско-тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – 2014. – № 4. – С. 303–306. – 0,4 п.л.

6. Первушина Е. А. Интертекстуальный диалог названий в книге Л. Е. Черкасского «Я рядом с корнем душу успокою» / Е. А. Первушина, **Чжицян Лю** // Язык – пространство. Язык – культура. Язык – сознание : сборник статей к 20-летию кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета. – Владивосток, 2016. – С. 112–121. – 0,38 / 0,19 п.л.

7. **Лю Чжицян** Об издательской презентации в России группы китайских поэтов «Четвёртое мая» / Чжицян Лю // Молодежь. Наука. Инновации : сборник докладов 60-й Международной молодёжной научно-технической конференции (Гуманитарная часть). Владивосток, 28–29 марта 2013 г. – Владивосток, 2013 – Т. 2. – С. 166–168. – URL: http://www.msun.ru/upload/files/mni2013_%281705217940%29.pdf (дата обращения: 14.02.2017). – 0,23 п.л.

8. **Лю Чжицян** О переводах Л. Е. Черкасского стихов Се Бинсинь на русский язык / Чжицян Лю // Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие Дальневосточного региона России и стран АТР : материалы XVI Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей. Владивосток, 17–18 апреля 2014 г. – Владивосток, 2014. – Т. 1. – С. 105–106. – 0,1 п.л.

9. **Лю Чжицян** О переводах стихов китайских поэтов Л. Е. Черкасским в сборнике «Дождливая аллея» на русский язык / Чжицян Лю // Коммуникативные аспекты языка и культуры : сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции студентов и молодых учёных. Томск, 21–23 мая 2014 г. – Томск, 2014 – С. 339–344. – 0,2 п.л.

10. **Лю Чжицян** О переведённом Л. Е. Черкасским китайском поэте Лю Баньнуне в сборнике «Дождливая аллея» / Чжицян Лю // Современные концепции научных исследований : сборник научных работ VII Международной научно-практической конференции. Москва, 30–31 октября 2014 г. – Москва, 2014. – Ч. 7 : Филологические науки. Культурология. Исторические науки. Науки о Земле. – С. 55–56. – 0,2 п.л.

11. **Лю Чжицян** Стихотворение Лю Баньнуна «Между ними лишь слой бумаги» в переводе Л. Е. Черкасского / Чжицян Лю // Отечественная наука в эпоху изменений : постулаты прошлого и теории нового времени : IV Международная научно-практическая конференция. Екатеринбург, 07–08 ноября 2014 г. – Екатеринбург, 2014. – Ч. 4. – С. 145–149. – 0,3 п.л.

12. **Лю Чжицян** Особенности перевода Л. Е. Черкасского миниатюр в сборнике «Дождливая аллея» / Чжицян Лю // Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия : сборник статей VI Международной научно-практической конференции. Новосибирск, 14–15 ноября 2014 г. – Новосибирск, 2014. – Ч. 3. – С. 110–112. – 0,3 п.л.

13. **Лю Чжицян** Переводческое предпочтение Л.Е. Черкасского стихов Сюй Чжимо и Дай Ваншу : на материале сборника «Дождливая аллея» / Чжицян Лю // Теоретические и прикладные аспекты современной науки : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции. Белгород, 31 января 2015 г. – Белгород, 2015. – Часть IV. – С. 56–58. – 0,15 п.л.

14. **Лю Чжицян** Переводчик Л. Е. Черкасский и поэт Сюй Чжимо / Чжицян Лю // III Весенние научные чтения : сборник докладов международной конференции. Харьков, Украина, 14 марта 2015 г. – Харьков, 2015. – С. 59–61. – 0,13 п.л.

15. **Лю Чжицян** Стихотворение Ван Япина «Смотритель маяка» в переводе Л.Е. Черкасского / Чжицян Лю // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР : материалы международного форума. Владивосток, 12–17 октября 2015 г. – Владивосток, 2016. – С. 135–138. – 0,44 п.л.

16. **Лю Чжицян** Своеобразие рецепции новой китайской поэзии в переводах Л. Е. Черкасского (На аспекте стиховой организации – строфики) / Чжицян Лю // Достижения и проблемы современной науки : сборник публикаций научного журнала «Globus» по результатам XIII Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 04 ноября 2016 г. – Санкт-Петербург, 2016. – Ч. 1. – С. 123–127. – 0,3 п.л.

Подписано в печать 10.04.2017.
Формат 60×84 / 16. Усл. печ. л. 1,40.
Тираж 100 экз. Заказ 164.

Отпечатано в типографии
Дирекции публикационной деятельности ДВФУ
690990, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10